

Шунь также стал советоваться с сановниками, кто сможет усмирить воды. Все рекомендовали Юя, говоря: «Хотя Юй и сын Гуня, он куда добродетельнее и способнее отца. Он скромн, почитателен, усерден в делах и неприхотлив в быту». Шунь не стал пренебрегать им из-за родства с Гунем и без промедления возложил на него тяжёлую задачу по усмирению потопа.

Великий Юй тоже не затаил злобы на Шуня за казнь отца, но с радостью принял поручение. В конце концов он обуздал воды и принял от Шуня «добровольное отречение» в свою пользу.

Во многом так же складывались в пути и мои отношения с А-Хуань.

Дорогу из столицы в Восточную столицу я проделала много раз, но никогда ещё не ехала с такой лёгкостью и радостью.

Если бы я не жила в эту древнюю эпоху и не родилась в докучливой императорской семье, я бы, наверное, возвестила всему миру, что у меня теперь есть подруга. Подруга красивая и умная, нежная и заботливая. Она умеет ездить верхом, стрелять из лука, играть в цуцзюй, укладывать волосы. В своей доброте она внимательна и предусмотрительна, а когда сердится, её взгляд становится живым и колким. Когда она шалит, её ум рождает сотни хитростей, а уж сила у неё... Во всей Поднебесной Тан, нет, во всём мире не сыскать второго такого человека!

Читая прежде летописи, я никак не могла понять таких правителей, как Шан-Чжоу или Чжоу-Ю: как можно так терять голову из-за женщины? Но встретив А-Хуань, я поняла: ради такой женщины я готова не просто потерять голову — я готова расстаться с душой, сойти в подземный мир и пройти все его горы и котлы с кипящим маслом. Что уж говорить о какой-то там власти!

Я лишь досадовала, что путь в Восточную столицу так короток — не хватило времени вволю наговориться и наделать всего, что подобает влюблённым. А в дворцах Восточной столицы нас со всех сторон окружали люди, не оставляя ни мгновения уединения.

Но я была всего лишь малой принцессой, без собственной резиденции, и потому волей-неволей последовала за родителями в недавно отстроенный дворец Шанъян. Днём я в экипаже отправлялась во дворец, чтобы, как и прежде, учиться у наставников, вглядываясь в ненавистные иероглифы. Ночью же возвращалась в свои покои, чтобы тайком повидаться с А-Хуань раз-другой, скрываясь и прячась, словно ворующиеся подростки.

На этом фоне супружеское согласие наследного принца и его жены, взаимопонимание князя У и его княгини и даже показное равнодушие между Ли Жуюем и княгиней Цзи резали глаза.

Не знаю, о чём думал мой второй брат, но едва мы прибыли в Восточную столицу, как пришло известие, что супруга наследного принца снова беременна. Судя по срокам, она зачала вскоре после рождения дочери. Подобная поспешность могла повредить её здоровью, и беременность эта протекала нестабильно. Тем более что она только что перенесла тяготы долгой дороги. Когда весть о беременности стала известна, отец и матушка были потрясены. Отец тотчас же просиял от радости и стал куда благосклоннее к наследному принцу. Матушка же, хотя внешне тоже была обрадована, упрекнула его за то, что он не сообщил об этом раньше. Тогда бы супруга наследного принца могла спокойно остаться в столице, а наследный принц — надзирать за государственными делами.

Она произнесла это с лёгким упрёком, и наследный принц не мог ни толком оправдаться, ни промолчать, лишь с горькой усмешкой признал свою оплошность. Матушка затем испросила у отца для него десятидневный отпуск, чтобы он мог вернуться в Восточный дворец и быть рядом с супругой.

Супруга наследного принца была беременна, и князь У всячески старался угодить, отправив в Восточный дворец множество даров. На этот раз наследный принц не отказался, но одарил в ответ ещё щедрее.

Ли Жую следовало бы радоваться, но отношения его с княгиней Цзи были далеки от идеала. Видя гармонию между наследным принцем и его супругой, он впадал в уныние и несколько раз тайком приходил ко мне в поисках Чуэр. После нескольких моих полуугроз и полууговоров он временно оставил её в покое и отправился развлекаться в дома своих приятелей.

Матушка откровенно не любила княгиню Цзи, госпожу Чжао. Она даже не пыталась это скрывать.

Супруга наследного принца, княгиня У и княгиня Цзи часто приходили навестить её с поклоном. К первым двум матушка была неизменно милостива и, едва заслышав об их приходе, всегда, занята или нет, призывала их для беседы. Когда же дело доходило до княгини Цзи, та достаивалась аудиенции лишь раз в десять визитов, и разговор был скудным и холодным.

Иногда, когда невестки являлись во дворец, я тоже присутствовала. Матушка всегда велела мне кланяться супруге наследного принца и княгине У, но намеренно обходила вниманием княгиню Цзи. Ли Жуй, видя, что госпожа Чжао не в милости у матушки, винил в этом не матушкино пренебрежение, а неумение жены угождать свекрови, и становился с ней ещё холоднее. Госпожа Чжао, видимо, пожаловалась своей семье, и я видела, как принцесса Яньань несколько раз навещала дворец Шанъян. После этого матушка призвала Ли Жую и при всех отчитала его, повелев хорошо обращаться с княгиней Цзи. Ли Жуй на словах согласился, сократил визиты к чужим певичкам, но стал ещё больше увлекаться петушиными боями и псовой охотой, задерживаясь вне дома допоздна.

Мне всегда казалось, что за внешним спокойствием дворца скрывается огромная опасность, и я чувствовала, что рано или поздно что-то должно произойти. Но когда именно и что именно — было невозможно предугадать.

Теперь уже всякий зрячий понимал, что матушка и наследный принц стоят друг против друга, как вода и огонь. Многие пытались уговорить отца и умиротворить матушку. Столь же многие переходили на сторону наследного принца, предлагая ему советы и планы. Эти люди ныне почитали себя «прямыми и честными сановниками», все они ставили во главу угла заветы предков, великое дело и благоденствие государства, активно сновали туда-сюда и завязывали связи.

Князь У и его супруга и прежде усердно угождали отцу и матушке, а в последнее время стали навещать дворец Шанъян ещё чаще. Поскольку у князя У не было собственной резиденции в Восточной столице, он снял усадьбу за городскими стенами и поселился там со всем семейством. Князь У каждый день являлся ко дворцу ещё до утреннего собрания и ждал у ворот. Если отец и матушка призывали его, он являлся и проводил с ними час-другой в почтительных беседах. Если же приказа не было, он всё равно почтительно кланялся у ворот, осведомлялся об их здоровье и никогда не позволял себе нерадения. На всех пирах он обязательно приглашал литераторов, чтобы те сочиняли для отца стихи и оды — то велеречиво восхваляющие, то остроумно шутливые. И в пяти случаях из десяти его стихотворения оказывались в центре внимания.

Супруга князя У же ежедневно являлась к матушке с детьми, чтобы прислуживать ей. Хотя при матушке и так было достаточно распорядительниц дворца и цайжэнь, исполнявших её поручения, княгиня У, желая выказать свою сыновнюю почтительность, перехватывала все их

обязанности. Когда она находилась рядом с матушкой, Ваньэр и прочим оставалось лишь наблюдать, как та со своими дочерьми раболепно прислуживает, — подавать блюда, вытирать стол, передавать вещи им уже не дозволялось. Матушка часто устраивала увеселения во Внутреннем дворе, и во время этих забав также затевались игры, сочинялись стихи и эссе. Супруга князя У не блистала литературным талантом, зато всегда чутко ловила матушкины слова. Стоило матушке кого-нибудь похвалить, как княгиня тут же подходила к тому человеку, просила посмотреть его работу и принималась восхвалять в тон матушке. Она также щедро одаривала всех придворных, и даже Сун Фою, Фэн Шилян, Цуй Мин-дэ, Дугу Шао, Вэй Хуань, Сяолан и Сяньсянь получили от неё множество подарков. Причём Вэй Хуань получила почти столько же, сколько Сун Фою и Фэн Шилян, лишь немного меньше, чем Цуй Мин-дэ и Дугу Шао.

Лишь взглянув на градацию этих даров, я поняла, какая это ловкая женщина — моя четвёртая невестка. Ныне во дворце самым влиятельным при отце был Ян Цзыгао; при матушке — Гао Яньфу; в Департаменте Нэйши — его начальники и заместители; Туаньэр, Ваньэр, А-Цин и несколько главных распорядительниц дворца стояли чуть ниже; в Приказе Дяньчжун — его начальники и заместители; Цуй Мин-дэ и Дугу Шао, происходившие из знатных родов, назначенные матушкой и занимавшие высокие, но почётные и необременительные должности, — ещё ниже; Сун Фою, Фэн Шилян и прочие, числившиеся в департаментах, но служившие при мне, — ещё ниже; Вэй Хуань, Сяолан, Сяньсянь и другие, не имевшие ранга, но пользовавшиеся моим расположением, а также любимые певички и актёры из Цзяофан, привратники, глашатаи, низшие чиновники из Нэйши, Дяньчжуна и различных управлений — стояли на самой нижней ступени. Все они были людьми влиятельными при дворе, способными говорить с отцом и матушкой напрямую или исподволь. Они и составляли костяк дворцовой системы. Моя четвёртая невестка сумела за столь короткий срок так досконально разобраться в этой иерархии и столь точно распределить подарки — это было поистине впечатляюще.

<http://bllate.org/book/16278/1466696>